

Изъ охотничьей жизни воронежскихъ охотниковъ.

I.

Какъ извѣстно, окрестности г. Воронежа изобилуютъ лѣсами сравнительно въ большей степени, чѣмъ въ иной цѣлой губерніи. Такъ напр., усманская казенная дача занимаетъ площадь въ 36000 дес., воронежская городская—4000, боровская и жировская казенныя—4000 и множество другихъ болѣе малыхъ дачъ отъ 100 до 1000 десятинъ, такъ что въ общемъ составитъ приблизительно до 70000 дес. (кромѣ помѣщичьихъ и купеческихъ), расположенныхъ на пространствѣ 50 верстнаго квадрата, въ центрѣ котораго находится г. Воронежъ съ многочисленными его спортсменами.

Въ лѣсахъ этихъ водятся въ большомъ количествѣ волки, лисицы и въ особенности зайцы; послѣдніе, можно сказать, водятся во множествѣ. Изъ мѣстной дичи пернатого царства, первое мѣсто занимаетъ тетеревъ-косачъ, но его годъ отъ году замѣтно убываетъ, вслѣдствіе частыхъ сплошныхъ порубокъ лѣсовъ. Второе и послѣднее мѣсто остается для сѣрыхъ куропатокъ, которыя совсѣмъ было перевелись въ цѣломъ уѣздѣ, такъ что въ послѣдніе пять лѣтъ убить на охотѣ куропатку было за рѣдкость. Главнѣйшею причиною отсутствія куропатокъ считаютъ поголовное истребленіе ихъ промышленниками въ бывшія снѣжныя зимы 1876, 1878, 1880 и 1882 годовъ.

Охоты съ легавой, на токахъ и съ подъѣзда на тетеревовъ воронежскіе охотники почти не знаютъ, и практикуется она въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ развѣ только заѣзжими любителями.

Въ весенніе и осенніе пролеты наши лѣса посѣщаетъ вальдшнепъ и иногда въ весьма большомъ количествѣ, но для вывода дѣтей остается въ ограниченномъ числѣ и въ очень немногихъ дачахъ, имѣющихъ болотистыя крѣпи. Остающіеся у насъ вальдшнепы тянутъ почти все лѣто, и въ концѣ августа нерѣдкость находить ихъ небольшими высишками по мелколѣсью. Вообще охота на вальдшнепа считается одною изъ лучшихъ, тѣмъ болѣе что мѣста для этой охоты начинаются едва не въ самомъ городѣ или много-много за двѣ версты отъ него.

Другого рода пернатой дичи въ нашихъ лѣсахъ положительно нѣтъ, если не считать дроздовъ, которые у насъ многими почитаются за дичь и которыхъ я оставляю для начинающихъ охотиться мальчу-гановъ или для особенныхъ любителей-гастрономовъ этого блюда.

Несмотря однакоже на такое обиліе лѣсовъ, въ противоположность этому ставится полнѣйшее отсутствіе постоянныхъ болотъ и единствен-нымъ мѣстомъ охоты на осеннихъ дупелей служатъ два-три неболь-шихъ болота по р. Еманчѣ подъ именемъ „Хохоль“, отстояція въ 35 вер. отъ города, и притомъ — исключительно на дупелей, такъ какъ бекасовъ или другой болотной дичи тамъ почти не бываетъ. Бекасовъ бываетъ всякій годъ въ достаточномъ количествѣ, но держатся они по береговымъ зарослямъ озеръ и мелкихъ рѣчекъ. Специальной охоты на нихъ нѣтъ, а убиваются они большею частью случайно. Гаршнепы-же совсѣмъ рѣдко встрѣчаются.

Въ поемныхъ или заливныхъ лугахъ недостатка нѣтъ. Ихъ у насъ столько, что дупелей убитыхъ весною насчитываютъ тысячи. Особенно хорошими, для дупелиныхъ охотъ, лугами считаются, какъ по удобству сообщенія, такъ и въ отношеніи добычливости: чижевскій, инютинскій, усманскій, чертовичскій, парусовскій и др. На этихъ лугахъ, съ 1 по 15 мая, охотничья канонада положительно не прекращается, и далеко въ окрестностяхъ слышится запахъ порохового дыма.

Утиная охота, за отсутствіемъ большихъ озеръ, а вслѣдствіе этого и малаго количества остающихся утокъ, виднаго мѣста не занимаетъ и практикуется лишь въ большой степени въ весенній пролетъ съ кряк-вой, на лѣсныхъ займищахъ и полевыхъ лужахъ; но этого рода охотой занимаются исключительно мужички-промышленники, народъ менѣе требовательный на обстановку охоты и болѣе терпѣливый. Для нихъ ничего не значить пролежать на брюхѣ цѣлыя сутки въ грязной сы-рой ямѣ на берегу озера или столько-же просидѣть скорчившись въ лодкѣ подъ шалашикомъ, устроенномъ гдѣ-либо на сучьяхъ въ лѣсу. Впрочемъ есть два-три любителя этой охоты и изъ интеллигентныхъ.

Въ общемъ-же охота по перу въ нашихъ лесахъ довольно еще бо-гата, хотя всеокрушающая рука хищника даетъ уже себя чувствовать.

Безнаказанность и непреслѣдуемость охоты въ запрещенное вре-мя и запрещенными способами порождаетъ массы охотниковъ-промыш-ленниковъ, хладнокровно мѣняющихъ свое хозяйство въ городѣ, и въ особенности въ деревнѣ на этотъ легкій заработокъ, и это замѣчается повсюду.

Съ недавняго времени въ Воронежѣ началась погоня за новою ле-гавою „пойнтеромъ“ и съ такимъ рвеніемъ, что уже теперь, когда-то моднаго, сеттера изрѣдка увидишь кое-гдѣ и то такого заброшеннаго, жалкаго, изъ милости на хлѣбахъ доживающаго недолгой своей вѣкъ! Правду сказать, воронежскимъ охотникамъ очень скоро пришлось вку-сить плодовъ сладкихъ за свою погоню. Въ Воронежѣ очень много хо-

рошихъ породистыхъ пойнтеровъ типа собакъ Ланского и Тюляевскихъ, но о полевыхъ ихъ достоинствахъ разговоровъ еще немного и большею частью сводятся они-покуда къ красотѣ сложенія, элегантности поиска (больше, конечно, по описанію), перелому носовъ, прямизнѣ хвостовъ и т. п. Въ интимныхъ - же дружескихъ бесѣдахъ нерѣдко слышатся вздохи и сожалѣнія объ отжившихъ шотландцахъ, ирландцахъ и гордонахъ, незамѣнимыхъ въ нашемъ климатѣ, климатѣ средней полосы Россіи, не говоря ужъ о сѣверной, — которая положительно не должна допускать къ себѣ этихъ „элегантныхъ“ собакъ. Кажется излишнимъ будетъ распространяться насчетъ того, какая погода большею частью бываетъ весною и осенью во время прилета и отлета дичи, и какъ работалъ сеттеръ и какъ работаетъ пойнтеръ, почти никогда не достающій изъ воды убитой дичи, если въ воздухѣ тепла менѣе 10°, и какъ онъ бываетъ жалокъ, если идетъ холодный съ вѣтромъ дождь во время охоты! Набюсти это вѣроятно удалось многимъ охотникамъ и въ разныхъ мѣстностяхъ.

Да-съ, какъ ни привлекателенъ пойнтеръ въ комнатѣ на мягкомъ коврѣ, но не замѣнить ему сеттера—на грязной постилкѣ.

II.

Несмотря на обиліе звѣрей, какъ сказано выше, охоты съ борзыми не производится, хотя у насъ много раздолья для этихъ скакуновъ. Эта охота видимо приходитъ въ оскуднѣніе и мало-по-малу удаляется въ область воспоминаній, давая широкій просторъ ружейной псовой охотѣ. Есть, впрочемъ, у насъ единственная борзая охота г. Лихачева, хотя и почтенныхъ размѣровъ, но и о ней въ послѣдніе года что-то мало говорится и еще рѣже упоминается о результатахъ ея добываемыхъ.

Въ первые два года по переѣздѣ г. Лихачева съ своею охотою въ новое имѣніе „Устье“, въ 20 вер. отъ Воронежа, въ городѣ только и было разговору что объ охотѣ г. Лихачева; насчетъ результатовъ-же ходили однако разнорѣчивые слухи и сводились больше къ зайцамъ и лисицамъ, а о затравленныхъ волкахъ упоминалось рѣдко и то какъ-то вскользь. Теперь-же эти толки и слухи перенеслись на гончія охоты.

Въ одномъ только Воронежѣ насчитывается до четырнадцати отдѣльныхъ гончихъ охотъ, кромѣ многихъ деревенскихъ, и хотя эти охоты большею частію состоятъ изъ нѣсколькихъ собакъ, тѣмъ не менѣе однако-же съ каждой такой стаей всякій разъ на охотѣ бываетъ отъ 4 до 7 человекъ любителей „косого“; въ праздничные-же дни къ этимъ охотамъ „подбываютъ“ десятки такихъ любителей. Изъ этого можно вывести заключеніе о томъ какъ великъ контингентъ охотниковъ съ гончими. И все это происходитъ главнѣйше отъ множества длинноухихъ обитателей нашихъ окрестныхъ лѣсовъ, несмотря на

огромное истребленіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, постоянно и всякими способами!

Гончихъ собакъ содержать преимущественно люди служащіе въ какихъ-либо учрежденіяхъ и военные; совершенно свободныхъ есть два-три владѣльца: докторъ, часовщикъ и, кажется, гробовщикъ. Большая часть стаякъ содержится на компанейскихъ началахъ, а нѣкоторые любезные хозяева, неся всѣ тяготы на себѣ по содержанію собакъ, только охотятся въ определенной однако - же компаніи или, лучше сказать, кружкѣ. И слѣдовательно, въ Воронежѣ сколько отдѣльныхъ охотъ, столько и кружковъ съ болѣе или менѣе определенными условіями. Есть охотничьи кружки, имѣющіе въ своей арендѣ отдѣльныя лѣсныя угодья. Единолично охотится только докторъ, престарѣлый уже охотникъ подъ 80 лѣтъ, и несмотря на свои преклонныя лѣта, ружьемъ владѣть еще хорошо, хотя по лисицамъ уже и „подмазываетъ“, какъ говорятъ знающіе его ближе охотники. Собакъ держитъ онъ порядочныхъ, хотя и немного, но къ сожалѣнію плохо за ними присматриваетъ, отчего онѣ болтаются по городскимъ улицамъ и повѣсничаютъ, а главное—плодятъ массы выродковъ по чужимъ дворамъ, чрезъ что и увеличиваютъ контингентъ „мелкотравчатыхъ“. Есть впрочемъ и такія охоты, гдѣ всякій разъ бываютъ новые компаньоны, но это только тамъ, гдѣ хозяинъ „собственного ндрава“.

Собакъ гончихъ породистыхъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, весьма немного, да и тѣ не въ одной стаѣ, а разбиты по многимъ.

Самыя стаи невелики, —отъ трехъ до шести смычковъ; правильность стайнаго подбора стоитъ на второмъ планѣ, собаководства въ точномъ смыслѣ не существуетъ; оттого во всѣхъ стаяхъ встрѣчаются всякія разновидности: польскія, русскія, англійскія и притомъ настолько смѣшанныхъ породъ, что въ большинствѣ случаевъ бываетъ невозможно опредѣлить преобладанія кровей. Обыкновенно встрѣчаются стаи, въ которыхъ преобладаютъ пестрые собаки надъ черными или чепрачными. Гонять же такія стаи прекрасно и зайца, и по звѣрю, что и требуется во-первыхъ, паратость или быстрота—во-вторыхъ и голоса, пожалуй, въ-третьихъ, все-же остальное слѣдуетъ въ дальнѣйшемъ порядкѣ по счету. И при этихъ условіяхъ, съ такими стаями гончихъ, въ хорошій сезонъ, зайцы убиваются сотнями и лисицы десятками. Специальныхъ-же охотъ съ гончими на волковъ почти не практикуется, за исключеніемъ правильно поставленной Рамонской охоты Ею Высочества Принца Ольденбургскаго, которая истребляетъ вредныхъ хищниковъ въ большомъ количествѣ, къ величайшей радости окрестныхъ поселянъ. Но такъ какъ охота эта находится сравнительно далеко отъ Воронежа, то болѣе подробное описаніе ея здѣсь мѣста имѣть не будетъ.

Охоты на волковъ у насъ дѣлаются облавами и всегда почти безуспѣшно; иногда-же такія облавы бываютъ смѣшанныя, т. е. и люди,

и гончія вмѣстѣ. Двѣ такія облавы сдѣланныя воронежскими охотниками въ Покровской дачѣ Бобровскаго уѣзда, въ 1885 г., дали хорошіе результаты: именно въ каждую облаву было взято по четыре волка, хотя облавы эти были сдѣланы наугадъ, безъ всякой провѣрки и подвывки, а только по наслышкѣ отъ обитателей с. Покровки.

Вотъ подробности этихъ облавъ.

Одинъ изъ воронежскихъ охотниковъ, часто охотящійся лѣтомъ въ покровскихъ лугахъ съ легавой, наслышался отъ мѣстныхъ жителей о множествѣ волковъ, живущихъ „молъ, вонъ въ той ольхѣ“ и даже днемъ убивающихъ скотинку, и предложилъ охотникамъ произвести тамъ облаву; желающихъ явилось изрядное количество, несмотря на дальность разстоянія—около 100 вер., и на неудобство отходящаго въ 10 ч. вечера поѣзда. И вотъ, въ концѣ августа, въ одинъ прекрасный вечеръ, наканунѣ праздника, желѣзнодорожный поѣздъ отправился на югъ, конвоируемый внушительной компаніей охотниковъ, человѣкъ эдакъ въ 20—25. Собакъ везли съ собою всего только 8 смычковъ четырехъ владѣльцевъ.

Шумно и весело ввалилась эта компанія въ вокзалъ ст. Лиски, гдѣ еще примкнуло нѣсколько охотниковъ изъ мѣстныхъ, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидавшихъ пріѣзда воронежцевъ. Трудно передать тотъ шумъ, гамъ, говоръ, смѣхъ, бряцанье оружія, который царитъ въ такихъ охотничьихъ компаніяхъ, гдѣ всѣ друзья, гдѣ всѣ товарищи и братья, гдѣ все сливается въ одну семью!

Весь остатокъ ночи—часа три-четыре—до отъѣзда къ мѣсту облавы, вокзалъ представлялъ чудную, можно сказать, картину. Тамъ у буфета группа „чокалась“, желая каждому успѣха; тамъ сѣденкій охотникъ усиленно продувалъ ружье, въ брандтрубки котораго какой-то шутникъ заложилъ хлѣбные шарики, а вонъ тамъ за столомъ сидитъ группа раскраснѣвшихъ и блѣдныхъ, выигравшихъ и проигравшихся до копѣйки, жадно устремившихъ взоры на презрѣнное серебро. (Золота давненько не видно). Еще группа ведетъ оживленный разговоръ, рассматривая ружья, кинжалы, картечь, гильзы и т. п. и наконецъ, въ углу на диванѣ, охотникъ, примостившійся вздремнуть, поминутно высовываетъ голову изъ-подъ плаща,—видимо, ему это никакъ не удается.—Однимъ словомъ хорошо, да и только. Люблю я такія поѣздки!

Въ 6 часовъ утра были поданы лошади, запряженные въ одиночку и парами въ простыя деревенскія телѣги. Все заколыхалось, загудѣло какъ-то особенно, засуетилось, и въ одно мгновеніе вокзалъ опустѣлъ. Размѣстившись по телѣгамъ, охотники тронулись въ путь. Удивительную, должно быть, картину представлялъ собою этотъ длинный кортежъ, приковывавшій на мѣстѣ встрѣчныхъ, едва пробудившихся, крестьянъ. Скоро и шумно охотничій поѣздъ вѣхалъ въ село Покровку, жалкое поселеніе крестьянъ, расположенное частью на верху большого песчаного зыбучаго хребта, а частью внизу, его у самого почти луга

съ лѣвой стороны р. Дона, правый берегъ котораго въ этомъ мѣстѣ имѣеть безжизненные мѣловые склоны, верхушки которыхъ то тамъ, то сямъ покрыты жалкими остатками нѣкогда дремучихъ лѣсовъ. — Распорядившись наскоро съ мужиками-кричанами, часовъ въ 10 у. наконецъ прибыли къ мѣсту облавы. Это небольшой, десятины въ 100, ольховый островъ въ котловинѣ, ограниченный съ одной стороны все тѣмъ-же песчанымъ краемъ въ видѣ полукруга,—а съ другой лугами и озерами.

Обсудивъ все какъ слѣдуетъ, охотники вынули жребіи и стали занимать мѣста вокругъ острова. Это было исполнено мгновенно 30-ю №№, съ соблюденіемъ самой строгой предосторожности, чтобы не потревожить предполагавшихся звѣрей! Воцарилась мертвая, тишина лишь изрѣдка нарушаемая легкимъ шелестомъ листьевъ, да чуть слышнымъ бряцаньемъ собачьихъ цѣпей. Еще минута и сигнальный выстрѣлъ какъ-то особенно торжественно пророкоталъ на всю окрестность, заставивъ вздрогнуть все окружающее. Чудная минута! Сердце охотника захолонуло, какъ-бы замерло на мгновеніе, и чаще, чаще забилося снова, готовое вырваться изъ стѣсненной груди!... Загудѣла, завывала, застонала сотенная толпа кричанъ; заревѣла на разные лады стая собакъ „по зрячему“, удачно наброшенная на звѣря. Все слилось въ одну чудную гармонію, неизъяснимые звуки которой понятны только охотнику! Проснулся лѣсъ. Спугнутыя утки, вальдшнепы, витютни и пр. закружились надъ лѣсомъ, не находя въ немъ пріюта. Но вотъ загремѣлъ выстрѣлъ, дробнымъ эхомъ прокатившись по лѣсу, и все опять смолкло!... Къ №№ то тутъ, то тамъ стали выходить группами кричане. Первый загонъ конченъ. Вынесли три убитыхъ волченка, величиною однако-же съ большую собаку. Прекрасно выполнили мужики свою роль, хорошо сослужили и собаки, хотя старики-волки и ускользнули. Послѣ небольшого привала сдѣлали другой загонъ съ противоположной стороны, но долго молчали собаки, — хорошо спрятался звѣрь.

Вдругъ стая залилась „по зрячему“ и начала на кругахъ ходить по острову. Это мать спасала дѣтей, рискуя сложить свою голову. Два раза отводила волчица лютыхъ гонцовъ въ другой островъ и наконецъ-таки пала отъ мѣткаго выстрѣла. Такъ и просилась на полотно картина, когда на, зеленой лужайкѣ вблизи опушки, составила группа изъ людей, лошадей, телѣтъ и собакъ, и въ разныхъ направленіяхъ отъ лѣса тянулись сюда-же запоздавшія группы кричанъ и охотниковъ, занимавшихъ дальніе номера. Восторженные лица счастливецъ, убившихъ волковъ, громкія поздравленія „съ полемъ“, унылыя фисіономіи обойденныхъ судьбою и изрядная выпивка съ горя—все это придавало картинѣ особый жизненный колоритъ.

Вторая облава, устроенная тѣмъ-же способомъ, но только при четырехъ собакахъ, дала такіе-же почти результаты, какъ и первая.

Убито намѣстѣ 3 волка и лисица, и одинъ волкъ былъ сильно раненъ, но спасся отъ преслѣдованія, единственно благодаря продѣланному имъ маневру. Онъ пробѣжалъ чрезъ деревню, чего погонщики не ожидали и преслѣдовали его въ убѣжденіи, что волкъ прошелъ вверху за деревнею. — За то эта облава была менѣе оживлена, чѣмъ первая, словно по предчувствію, и едва не закончилась грустнымъ эпизодомъ. Послѣ перваго загона, въ который было убито два волченка, передъ вторымъ загонемъ многіе изъ охотниковъ пожелали перемѣнить свои несчастливые номера на другіе, какъ это часто у насъ и бываетъ. Для этого были сдѣланы билетики, и вотъ, во время вынутія ихъ, одинъ молодой еще охотникъ, неопытный въ дѣлѣ обращенія съ оружіемъ, едва не поплатился жизнію. Когда онъ потянулся за №-мъ, ружье его, бывшее у него-же въ рукахъ, выстрѣлило. Зарядъ крупной картечи прошелъ въ вертикальномъ направленіи и такъ близко, что пыжемъ содрало кожу на щекѣ и дымомъ закоптило даже подбородокъ; приходившееся съ этой стороны поле шляпы пробило какъ-бы пулею и самую шляпу далеко отбросило; причемъ большой палецъ лѣвой руки, лежавшій на концѣ дула, сильно повредило, къ счастью безъ серьезныхъ послѣдствій. У стоявшаго-же рядомъ съ пострадавшимъ другого охотника, почтеннаго старичка, оказалось въ бакенахъ много мелкихъ кусочковъ обгорѣлаго пыжа, Со страха многіе даже попадали на землю, а одинъ, преобладающій ростомъ, охотникъ особенно комично растянулся поперекъ двухъ оглобелей стоявшей неподалеку телѣги и лежалъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока его увѣрили, что онъ, слава Богу, живъ и здоровъ и даже не раненъ. Мужики и ребятишки ударились вразсыпную, крича: „убилъ! убилъ!“, такъ что едва удалось остановить ихъ и успокоить, что несчастья не случилось. Когда-же прошла паника, сразу охватившая всѣхъ, облава была продолжена своимъ порядкомъ, безъ участія только пострадавшаго, котораго немедленно отравили на станцію за медицинскимъ пособіемъ. Вообще въ этотъ день, 8 Сентября, облава имѣла много трагическаго. Старый волкъ, вѣроятно отецъ молодыхъ, спасая своихъ дѣтей, до послѣдней минуты оставался въ лѣсу и все время былъ подъ гонимъ собакъ, такъ что, выражаясь на охотничьемъ языкѣ, собаки висѣли на хвостѣ волка. Онъ все старался отвести ихъ и, преслѣдуемый неотступно, палъ наконецъ сраженный четырьмя выстрѣлами, но палъ съ честью — послѣднимъ, на трупахъ дѣтей своихъ!... Третье дѣйствіе этой трагедіи имѣло мѣсто уже въ деревнѣ, по прибытіи съ облавы. Волостной писарь, въ телѣгѣ котораго была кадочка съ водкой, собрался уже было уѣзжать, не выдавъ мужикамъ обѣщанной водки, ссылаясь на то, что она плоха, — съ водой, и что ее нужно возвратить „мошеннику-цѣловальнику“, какъ во мгновеніе ока телѣгу окружили мужики и силою хотѣли взять добро; началась брань, крикъ и наконецъ дошло до угрозъ, едва не окончившихся дракою, но благодаря внимательству денегъ,

предложенныхъ какъ писаремъ, такъ и охотниками, ссора утихла; охотники-же, умиротворивъ толпу, сплясали „барыню“ подъ губную музыку деревенскихъ красавицъ, которыхъ въ такихъ случаяхъ собирается довольно, и распроставшись, уѣхали на станцію.

III.

Кромѣ частныхъ облавъ, на волковъ устраиваются облавы иногда и общественныя, такъ сказать, официальныя, Воронежскимъ отдѣломъ Императорскаго Общества правильной охоты, но такія облавы большею частію бываютъ неудачны, хотя и обставляются правильно, по заранее обдуманнѣмъ планамъ, выработаннымъ долготѣнею практикою гг. распорядителей по этой части. Въ ходу тутъ бываетъ подвывка, обкладка или объѣздка звѣрей и даже прикурка ихъ падалю незадолго до облавы. Кромѣ того въ устройствѣ этихъ облавъ принимаютъ участіе вліятельныя на мужиковъ какъ сельскія, такъ и уѣздныя полицейскія власти, въ лицѣ гг. исправника и станowychъ приставовъ,— а волки все-таки благоденствуютъ во вредъ сельскимъ хозяйствамъ. Во всѣхъ облавахъ, сдѣланныхъ Отдѣломъ за десятилѣтнее его существованіе, истребленныхъ волковъ едва насчитывается десятокъ, тогда какъ отъ трехъ частныхъ облавъ, сдѣланныхъ въ одномъ только мѣсяцѣ, погибло десять хищниковъ! А отъ чего происходятъ такія неудачи съ общественными облавами? Насколько я лично убѣдился въ этомъ, отъ того, во 1-хъ, что облавы Отдѣломъ устраиваются не въ пору, т. е. не тогда, когда волчьи выводки бываютъ еще всѣ на мѣстахъ своихъ гнѣздъ, а всегда зимою и, какъ оказалось по провѣркѣ, наугадъ, по однимъ только предположеніямъ да догадкамъ о пребываніи звѣря тамъ-то или вонъ-тамъ, да по обкладкамъ, которыя сводятся лишь къ тому, что звѣрь „тутъ“ „такъ какъ выходныхъ слѣдовъ незамѣтно“; но не подлежатъ-ли сомнѣнію самыя выводные-то слѣды, вопросовъ не возбуждается, а если и сорвется иногда съ чьего-либо языка что-нибудь въ этомъ родѣ, то вызоветъ лишь негодованіе распорядителя и его сторонниковъ. Хорошо извѣстно, что зимою волки ведутъ бродячую жизнь и ложатся тамъ, гдѣ застанетъ ихъ утро, а не непременно въ лѣсу, что доказывается охотами на волковъ въ наѣздку съ борзыми; къ тому-же не всегда бываетъ необходимая для облавы пороша, а если и случится она, то какъ-то такъ не во-время и неожиданно, когда къ облавѣ еще не приготавливались, да и день не свободный, и дѣлается облава зачастую въ гололедицу и всегда неудачно. Во 2-хъ, облавы эти всегда носятъ характеръ забавы и дѣлаются скорѣе скуки ради, а не ради той пользы для сельскаго хозяйства, какая достигается серьезнымъ истребленіемъ хищныхъ звѣрей.

Несомнѣнно, что наши облавы устраиваются безъ коммерческаго расчета промышленниковъ, въ которомъ главную роль играетъ шкура;

нѣтъ, наши облавы, прикрываясь благодарною рыцарскою тогою, дѣлаются съ сознаниемъ пользы отъ истребленія хищниковъ, но для того, чтобы преслѣдовать эту по-истинѣ хорошую цѣль, Обществу или Отдѣлу, девизомъ котораго и есть именно эта задача, особенно слѣдуетъ заботиться объ этомъ и стремиться къ тому, чтобы въ дѣйствительности оправдать идею, во имя которой установилось Воронежское Общество правильной охоты, а не превращать облавы въ какіе-то деревенскіе пикники времяпрепровожденія ради и порождать тѣмъ лишь нелестныя для Отдѣла мнѣнія, служащія нерѣдко поводомъ къ сокращенію числа членовъ Отдѣла и слѣдовательно къ уменьшенію его денежныхъ средствъ.

IV.

Нашъ Воронежскій Отдѣлъ существуетъ съ 1875 года и въ первые пять лѣтъ дѣла его шли хорошо и хорошо настолько, что можно было предсказывать ему прочную будущность. Членовъ было достаточно и число ихъ годъ отъ году постепенно возрастало. Отдѣлъ уже имѣлъ въ своемъ хозяйствѣ собственныхъ гончихъ, выжлятниковъ и лошадей, и содержалъ въ арендѣ достаточное количество лѣсныхъ и луговыхъ охотничьихъ угодій. Устраивались частенько общественныя охоты, имѣвшія самый задумчивый характеръ, — гдѣ каждый чувствовалъ себя такъ-же свободно, какъ-бы на своей собственной охотѣ. Новые охотники радушно привѣтствовались всѣми и тутъ-же знакомились съ незнакомыми и какъ-то дружески сближались для понятной цѣли. Всѣ были довольны и всѣ это сознавали и чувствовали.

Всякія мѣропріятія по дѣламъ Отдѣла обсуждались въ собраніяхъ всегда солидарно и выходили хорошо обдуманнѣе и вполне цѣлесообразными, но въ послѣдующіе затѣмъ годы дѣла Отдѣла приняли совершенно другой оборотъ. Прежній составъ Совѣта, такъ разумно преслѣдовавшій идеи охотничьяго общества, уступилъ мѣсто другимъ лицамъ. Новый предсѣдатель и новый секретарь сразу и круто измѣнили ходъ общественнаго дѣла. На первыхъ порахъ они обратили общее вниманіе членовъ на редакцію устава, по точному смыслу котораго пользуются правомъ голоса не всѣ безъ изъятія члены, а такое право принадлежитъ исключительно такъ называемымъ дѣйствительнымъ членамъ за 50 рублевой взносъ. Конечно большинству членовъ привыкшихъ уже дѣлать дѣло сообща, такое толкованіе, хотя и правильное, не понравилось, слѣдствіемъ чего въ Обществѣ произошелъ расколъ. Охотники раздѣлились на два враждебные лагерь: въ одномъ было большинство „любителей“, а въ другомъ — меньшинство „дѣйствительныхъ“ и началась перестрѣлка, окончившаяся однако-же, къ сожалѣнію, полнымъ пораженіемъ „любителей“, начавшихъ быстро отступать отъ занятыхъ позицій, такъ что въ скоромъ времени Отдѣлъ, за

малымъ исключеніемъ, состоялъ изъ однихъ только дѣйствительныхъ членовъ.

Поборовъ такимъ образомъ противника и устранивъ ненужное большинство, новое Правленіе стало заправлять дѣлами общества по своему и надо сознаться не особенно удачно.

Не справляясь со средствами и не задумываясь надъ тѣмъ, будутъ ли притекать новыя, Совѣтъ производилъ расходы направо и налево, не давая никому и ни въ чемъ отчета. Покупалъ „племенныхъ“ собакъ по нѣскольку сотъ руб. за экземпляръ, вѣзилъ на московскія выставки и устраивалъ ихъ съ большими убытками у себя въ Воронежѣ. Общественное хозяйство велось также небрежно. Собаки и лошади содержались на частныхъ квартирахъ, попеременно то у одного, то у другого, и обходились баснословно дорого. Словомъ, вышло то, что небольшая горсть дѣйствительныхъ членовъ, забравъ въ свои руки капиталъ Общества, повела дѣло на свою лишь потребу и удовольствіе.

Въ концѣ концовъ весь Совѣтъ совмѣщался, кажется, въ одномъ секретарѣ, хотя и носились слухи о существованіи председателя и другихъ непремѣнныхъ членовъ и каковъ-же былъ этотъ чудо-Совѣтъ! Нерѣдко пазначались общественныя охоты въ указанныхъ мѣстахъ, но рѣдко выставлялись туда собаки, съ которыми обыкновенно охотился тотъ, у кого они жили на общественный счетъ, и собравшіеся за нѣсколько верстъ охотники принуждены бывали возвращаться домой „не солоно хлебавши“. Жаловаться было некому, да впрочемъ такія шутки продѣлывались съ остаткомъ „любителей“, лишенныхъ права голоса, смиренно и терпѣливо доживавшихъ сроки своихъ взносов!

Съ 1882 года Отдѣлъ пришелъ въ совершенное разстройство; членовъ осталось всего лишь три-четыре, да и тѣ готовы были покинуть его и поддерживали жизнь Отдѣла лишь потому, что не знали какъ поступить съ оставшимся небольшимъ капиталцемъ и имуществомъ Отдѣла, такъ какъ и председателя фактически уже не существовало. Такъ тянулось дѣло до 1885 года, когда Отдѣлъ нашъ вдругъ началъ оживать. Нашелся добрый охотникъ, кликнулъ кличъ—и въ Отдѣлъ съ разныхъ сторонъ потянули охотники, съ радостью предлагая свои рубли.

И желаемое возрожденіе нашего Общества охоты можетъ скоро осуществиться, если призванные къ управленію дѣлами Общества лица будутъ стоять на высотѣ своего призванія, навсегда отрѣшившись отъ того узкаго эгоизма и партійнаго пристрастія, которые всегда вредятъ всякому дѣлу и которые едва не похоронили Воронежское охотничье Общество. Лучше отказаться отъ всякаго участія въ управленіи какимъ бы то ни было дѣломъ, если по внутреннему убѣжденію не симпатизируешь этому дѣлу, чѣмъ взяться за него и довести до упадка.

Прежде всего является вопросъ: что такое само по себѣ общество охоты и что именно требуется отъ его членовъ? Если въ Воронежѣ или, въ другомъ мѣстѣ, есть нѣсколько охотниковъ, то это и

есть уже охотничье общество, но общество это можетъ быть не связано никакими уставами и члены его не имѣютъ никакихъ взаимныхъ обязательныхъ условій, а производить охоту порознь: гдѣ, когда и какъ имъ вздумается. Конечно, по закону и современнымъ требованіямъ, это явленіе ненормально, — и разъ появится такое сознаніе въ охотникахъ, то между ними само-собою явятся всевозможныя условія, переходящія потомъ на бумагу въ видѣ договора или устава, и тогда это общество получаетъ уже какъ-бы officialный оттѣнокъ. Всякій охотникъ, изъявившій сво согласіе быть членомъ такого общества, безусловно подчиняется всѣмъ его условіямъ, одинаково обязательнымъ для всѣхъ членовъ, будь они въ частности князья, графы, наны, дворяне, купцы, мѣщане, крестьяне, чиновники, военные, ремесленники и всякихъ другихъ не позорныхъ специальностей люди.

Разъ только всѣ члены несутъ равномѣрно расходы по дѣламъ Общества, то несомнѣнно, что и права ихъ должны быть одинаковы; пользоваться исключеніемъ никто не долженъ и смотрѣть на лицъ, уполномоченныхъ управлять общимъ дѣломъ, какъ на начальниковъ и создавать для себя безсмѣнныхъ диктаторовъ — болѣе чѣмъ нелѣпо. Избранныя управлять дѣломъ лица не должны забывать, что они такіе-же члены, временно уполномоченные *править, и что права ихъ ничуть не болѣе и не менѣе правъ другого имъ доверяющаго*. А лишь только такіе гг. уполномоченные создадутъ изъ себя грозныхъ и надменныхъ повелителей, то въ концѣ случается, что повелѣвать бываетъ нечѣмъ, или-же чаще, сами они бывають свержены съ высоты такого величія. Ни одинъ общественный вопросъ не долженъ рѣшаться однимъ или нѣсколькими членами келейно, а непременно въ общихъ собраніяхъ членовъ и притомъ всегда закрытою баллотировкою. Такой способъ рѣже даетъ мѣсто непріязненнымъ столкновеніямъ и всегда имѣетъ въ себѣ большую долю правды. Не всякій обладаетъ краснорѣчіемъ, но у каждого есть свои соображенія и убѣжденія, отстоять или выразить которыя открытымъ способомъ иногда не представляется возможности.

Еще скажу, что не слѣдуетъ въ охотничьемъ обществѣ устанавливать *личную почву*, всегда вызывающую соблазнъ и зависть и связанная съ ними неудовольствія, служащая лишь тормазомъ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ.

Но возвращусь къ Отдѣлу. Итакъ, къ началу 1886 г. возрождающійся Воронежскій Отдѣлъ Императорскаго Московскаго Общества правильной охоты насчитывалъ уже 70 членовъ, на сумму 700 р., что съ оставшимися отъ прежняго хозяйства составляетъ 1200 руб. — Денегъ этихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ, достаточно для того, чтобы имѣть въ арендѣ мѣста охоты, содержать стайку гончихъ, тирь, устраивать призовыя голубинныя сѣдки, и на другіе расходы, которые отчасти могутъ быть и непредвидимые, какъ напр. при падежѣ собакъ,

возвышеніи арендной платы за мѣста охоты и др. По мнѣнію-же другихъ членовъ такая сумма для этихъ затѣй весьма недостаточна, тѣмъ болѣе, что сумма эта не можетъ быть строго опредѣленною вслѣдствіе колебанія самаго числа членовъ, которыхъ въ одномъ году можетъ быть 100 и болѣе, а въ другомъ 50 или и того менѣе, смотря по тому, кто стоитъ во главѣ Отдѣла и какіе происходятъ отъ того распорядки. И вотъ, для примиренія этихъ разногласій, однимъ членомъ-доброжелателемъ была предложена маленькая цѣлесообразная комбинація. Онъ, г. членъ Отдѣла, сочувствуя, всѣми пятью своими чувствами, прекрасной общественной идеѣ, принадлежащую ему гончую стаю предложилъ Отдѣлу въ безмездное временное пользованіе, оставляя за собою лишь ничтожныя права хозяина — брать стаю на свою личную охоту, по своему усмотрѣнію, предоставляя, конечно, Отдѣлу болѣе широкія права содержанія этой стаи и связанныя съ нею хлопоты, но только при условіи воспрещенія охоты съ гончими въ общественныхъ дачахъ всѣмъ другимъ владѣльцамъ гончихъ, хотя-бы и членамъ.

Не правда-ли, какъ остроумно?! И козы цѣлы и волки сыты, въ особенности если принять въ расчетъ, что этотъ благодѣтельный членъ имѣетъ свои личныя аренды охотничьихъ угодій и состоитъ учредителемъ особаго кружка охотниковъ, съ которымъ и охотится постоянно?

Однако-же благородныя эти стремленія *на первый разъ*, къ сожалѣнію — увы! не оправдались, благодаря тому, что смыслъ ихъ былъ оцѣненъ не по достоинству.

Что могло быть лучше, какъ-то, чтобы Отдѣлъ имѣлъ свою стаю гончихъ, содержалъ ее, несъ всю тяжесть послѣдствій, былъ-бы единственнымъ обладателемъ такого сокровища, убилъ-бы, такъ сказать, „*мелкотравчатыхъ*“, а охотился-бы одинъ онъ, предобрѣйшій членъ-соревнователь!

Со стороны немного жаль, что мѣра эта предлагалась Отдѣлу только временно, впредь до обогащенія его настолько, чтобы онъ могъ пріобрѣсти необходимую стаю покупкою, хотя-бы даже у этого члена.

Но въ этой мѣрѣ была и еще одна, несомнѣнно хорошая, сторона — именно, съ воспрещеніемъ охоты съ гончими владѣльцамъ-членамъ въ общественныхъ мѣстахъ, (необщественныхъ въ окрестностяхъ почти не осталось), такіе члены-владѣльцы были-бы вынуждены распродать собакъ, а такъ какъ вынужденность понижаетъ цѣны, то слѣдовательно Отдѣлъ могъ выгодно купить для себя какую угодно стаю, да и онъ, членъ соревнователь, имѣлъ-бы, пожалуй, возможность произвести нѣкоторыя реформы и въ своей стаѣ.

Какъ сказано выше, неблагодарные членъ Отдѣла не согласились съ этою прекрасною идеею и, конечно, въ ущербъ себѣ-же, такъ какъ до сего времени Отдѣлъ — безъ стаи и безъ охоты съ гончими! А все это случилось отъ того, что *интеллигентныхъ членовъ мало, все разночинцы больше.*

Воронежскій охотникъ.